

Я люблю, когда музыка пробуждает
призраков, живущих во мне.

Дэвид Боуи

Тебе было восемь лет, я готовил тебе завтрак, ты в это время собирал ранец. Ты пришел на кухню, я услышал за спиной твои шаги и оглянулся. Ты уставился на меня своими огромными глазами и задал вопрос:

— Скажи, папа, быть отцом — это как?

Я, помолчав, спросил:

— Будешь яичницу?

Не мог я найти те простые слова, которых ты ждал. Мой ответ был не в словах, а в улыбке, которую я тебе посылал, в моих глазах, в желании узнать, чего бы тебе хотелось на завтрак, что ты предпочитаешь на обед и на ужин сегодня и во все последующие дни. Возможно, в этом и состоит отцовство, но я не знал, как тебе это объяснить. Нас разделяли кухонный стол и сорок лет. Глядя на тебя, я думал, что мне

стоило бы пораньше отказаться от юношеского эгоизма, раньше познакомиться с твоей мамой, раньше тебя зачать. Были бы мы с тобой ближе друг к другу при меньшей разнице в возрасте? Кажется, я никогда не умел ответить на этот вопрос, но не мог перестать его себе задавать. Мне нужно было исчезнуть, чтобы ты сам приступил к поиску, чтобы принялся раскапывать клад пережитых нами мгновений, собирать уснувшие воспоминания, как собирал сейчас тетрадки в ранец, чтобы захотел познакомиться со мной заново. Не эта ли странная игра жизни заставила меня возродиться сегодня, чтобы наконец соединить нас? Сегодня, когда ты уже не просто мой сын, а взрослый мужчина.

Зал Плейель был пуст, и если снаружи весеннее солнце изо всех сил согревало город после робкой зимы, то здесь сквозь полумрак пробивался лишь один нашпигованный пылинками луч света, освещавший сцену и рояль.

Второй концерт Рахманинова — затейливое сочинение, из тех, при исполнении которых мало одного виртуозного мастерства. Всякий раз, когда Томá осмеливался к нему подступить, все его прежние достижения оказывались под сомнением. Музыканту приходилось искать что-то невидимое, раскалять пережитые раньше эмоции, черпать в своей памяти превратности жизненного пути от самого детства до завтрашнего дня, когда здесь, в этом концертном зале, тысяча людей обратится в слух, а горстка критиков примется искать поводы для осуждения.

После последнего фортепьянного аккорда свет трижды мигнул. У осветителя иссякло терпение.

— Ладно там, я почти закончил, еще разок — и все, ухожу! — крикнул ему Томá.

— У вас и так прекрасно получается, — донеслось из-за кулис.

Томá мог бы прыснуть: свое суждение высказывал всего лишь осветитель; однако он привык доверять слуху Марсея. В сущности, этот человек присутствовал на большем количестве концертов, чем сам Томá, освещал своими прожекторами оркестры со всего света, почему же он должен верить ему меньше, чем дирижеру, не удосужившемуся явиться на последнюю репетицию?

— Мне пора домой, мсье Томá. Не хочется вас здесь запирать, хотя, уверен, вы были бы не против. Расслабьтесь, проветритесь. В вашем возрасте должны быть занятия интереснее ночевки в концертном зале. — Произнесший эти слова добродушный толстяк вывалился на сцену. — Говорю вам, вы большой молодец! Уверен, Рахманинов ликует, глядя на вас с небес, можете мне поверить.

— Лучше бы он меня слушал, — проворчал в ответ Томá, закрывая клавиши крышкой. — И вообще, кто вам сказал, что этот монстр, сочинивший зверски трудную партитуру, заслужил небесное блаженство?

— А я о чем толкую? — Осветитель стал подталкивать Тома́ к выходу из зала. — Допустим, он вас слышит, но я-то еще и вижу из своей будки, как вы играете. Поверьте, музыка струится у вас из глаз, даже когда вы жмуритесь. Если завтра вы выступите так же, это будет настоящий триумф!

— Вы мне льстите, Марсель.

— А вы мне грубите. Какая к черту лесть! Вон отсюда! — И осветитель снова подтолкнул Тома́ к двери. — Меня заждалась жена, если я еще сильнее задержусь, то страшно подумать, какая встреча уготована мне дома. Ступайте к вашей подружке, займитесь чем хотите, главное — чтобы у вас не было времени трусить, в страхе нет ничего хорошего. До завтра, я приду на час раньше, вдруг вам вздумается еще порепетировать.

Одиночество накрывает пианиста на выходе. Тома́ часто ловил себя на зависти к флейтистам, скрипачам, даже контрабасистам, покидающим зал вместе со своими инструментами... Он засунул пустые руки в карманы и побрел по улице Дарю, размышляя, чем себя занять. Можно было бы позвонить верному закадычному другу и позвать его поужинать в какой-нибудь ресторанчик, но Серж недавно развелся, и разговор с ним не обещал большого веселья.

Неплохую компанию составил бы Филипп, если бы не снимал сейчас рекламный ролик не то в Польше, не то в Венгрии. Была еще возможность прогуляться пешком до галереи Франсуа, но Томá вспомнил, что на прошлой неделе предпочел дольше порепетировать, вместо того чтобы побывать у друга на вернисаже, а тот грешил злопамятностью. Софи с некоторых пор не отвечала на его сообщения — видимо, в очередной раз прервала их эпизодические эпистолярные отношения и не собиралась пускать его к себе в постель, когда ему понадобится чуточку тепла. Или, может, с кем-то познакомилась? Что ж, это ненадолго, рано или поздно она позвонит ему сама.

Проходя мимо ресторана «Ла Лорэн», Томá обратил внимание на парочку за одним из столиков. Любоваться с таким восхищением площадью Терн могли либо туристы, либо влюбленная пара с коротким стажем. Он перешел дорогу и направился к цветочному рынку, кольцом расположившемуся в центре площади. Там он выбрал букет фрезий и звездчатого жасмина с сильным ароматом. Его мать предпочитала белые цветы.

С букетом в руках он загрузился в автобус № 43 и уселся у окна. По тротуарам торопливо шагали пешеходы. Когда автобус затормозил на светофоре, рядом с ним остановилась изящная молодая велосипедистка. Чтобы не ставить

ногу на асфальт, она оперлась рукой о стекло автобуса и улыбнулась Томá. Автобус тронулся, Томá оглянулся, чтобы посмотреть, как она исчезает в потоке машин на улице Монсо.

Внезапно вспомнилось: ему двадцать лет, они с отцом побывали на выставке датского художника в музее Жакмар-Андре. Выходя на бульвар Осман, Томá обратил внимание на шагавшую им навстречу женщину. Миновав их, она продолжила путь. То, как она и Томá переглянулись, не ускользнуло от внимания отца, который тут же посчитал своим долгом разъяснить сыну, что улица — неиссякаемый кладезь встреч, место, где нет ничего невозможного. Сколько болванов напрасно надеются соблазнить кого-нибудь в баре, завязать невразумительный разговор в гвалте ночного клуба или ресторана! Сам Раймон был в душе настоящим сердцедедом, полной противоположностью сыну, чья робость часто давала его друзьям повод для насмешек при совместных вылазках.

Томá сошел на остановке «Осман-Миромениль» и направился на улицу Трейяр. Там, войдя в подъезд, он нажал кнопку квартиры на четвертом этаже.

— Где твои ключи? — удивленно спросила Жанна, открывая ему дверь в домашнем халате.

— Я вернул их тебе больше десяти лет назад.

— Ты неизменно любезен с матерью. Эти цветы для меня или у тебя в плане романтический ужин?

— Найдется в холодильнике что-нибудь вкусное? — ответил вопросом на вопрос Томá, проskalзывая в прихожую.

— Значит, для меня. — Жанна забрала у него букет. — Как чудесно пахнут! — похвалила она цветы, унося их в кухню.

— Хватило бы простого «спасибо», — буркнул ей вслед Томá.

— Не жди благодарности от женщины, которой даришь цветы, лучше обрати внимание на то, насколько заботливо она ставит их в вазу. Неужели отец ничему тебя не научил?

Томá распахнул дверцу холодильника и оглянулся на мать:

— Можно взять ветчину?

— Разговор с тобой — сплошная романтика, милый; хорошо, что сегодня ты ужинаешь один! Я серьезно — один: я ухожу и менять свои планы не намерена. Чувствуй себя как дома, оставайся, сколько хочешь, можешь даже здесь переночевать.

Томá поставил тарелку с ветчиной на стол и крепко обнял мать.

— Что-то не так? — ласково спросил он ее.

— Ты меня задушишь. Отпусти, щекотно! — Мать со смехом высвободилась из его объятий. — Признавайся, это у тебя что-то не так?

Привстав на цыпочки, Жанна сняла с этажерки вазу.

— Волнуешься из-за завтрашнего концерта? Давай поступим как обычно: чтобы не доставлять тебе лишнего волнения, я сделаю вид, что не иду. Как хорошая мама неблагодарного сыночка, не позаботившегося зарезервировать ей место в первом ряду, я притворюсь в зале невидимкой.

С утомленным и одновременно заговорщическим видом Томá достал из кармана два билета.

— Один для тебя, другой для Колетт. Только попроси ее не аплодировать после каждой части, это нелепо!

— Сделаю что смогу, — пообещала Жанна.

Отняв у сына билеты, она спрятала их под халат.

— Ты еще не объяснил, чем я заслужила такие цветы. Великолепный букет! — Она поправила цветы в вазе. — Слишком сильно пахнет, чтобы нести его в спальню, но ты, думаю, не обидишься.

— Сегодня пять лет с того дня, как папа нас покинул. Я не был уверен, помнишь ли ты эту дату, но решил, что мне лучше побыть с тобой...

— Это тебя он покинул пять лет тому назад, мой дорогой, а меня гораздо раньше, так что эти годовщины, знаешь ли, для меня мало что значат.

— Ступай переоденься, — подсказал ей Томá. — Не знаю, что у тебя за планы, но время-то идет.

— Если разговор со мной тебя утомляет, ступай ужинать в кухню, — ответила Жанна, прежде чем ретироваться.

Томá смотрел, как она удаляется по коридору огромной старой квартиры, где он вырос. Потом он набросился на ветчину и заодно, пользуясь тем, что остался один, проверил сообщения на своем телефоне. Филипп рассказывал, как проходят съемки, жаловался на снег и на трудности работы со съемочной группой, не знающей ни слова по-французски и почти ни слова по-английски, зато восторгался Варшавой и еще больше польками. Томá не стал бы с ним спорить: в прошлом году его пригласили играть в тамошней филармонии, и у него остались прекрасные впечатления от концерта (хотя от отеля — не очень). Ему нравилось гастролировать, он ценил возможность повидать мир, пообщаться с музыкантами разных воззрений. Но карьера солиста не могла не сказываться на личной жизни. Пример тому — пылкая связь с Анной, сицилийской скрипачкой, с которой он познакомился два года назад в итальянском турне. За полгода им удалось провести вместе один уик-энд в Берлине в дека-

бре — благодаря Шостаковичу, один вечер четверга в Берлине в марте — благодаря Баху, одну майскую пятницу в Стокгольме, где они играли фугу Брамса, чей Первый концерт ре минор, сопровождавший любовников в ночи, они окрестили «своей» музыкой. Любовь под музыку Брамса, когда вы пианист и скрипачка, — источник самых неожиданных чудес. Но июнь отдалил их друг от друга, июль усугубил разлуку, в сентябре Григ тщетно пытался снова раздуть в них пламя страсти, даром что дело было в Вене... Роман угас зимой в Мадриде. С тех пор всякий раз, когда Томá исполнял Первый концерт Брамса, дирижер просил его быть посдержаннее в адажио.

— Ты останешься? — спросила его мать с порога.

Томá встал и поставил пустую тарелку в раковину.

— Не надо, я сама! Люблю мыть после твоего ухода посуду, это создает у меня иллюзию, что ты все еще живешь здесь.

— Я, пожалуй, вернусь к себе, — ответил он. — Надо поспать, завтра я должен быть в форме.

— Я что-то путаю или ты сажаешь нас в восьмом ряду?

— Это самые лучшие места!

— Так ты меня точно не увидишь, да?

— Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

— Всего раз, один-единственный раз во всей твоей жизни тебе показалось, что ты не читаешь в моем взгляде восхищения твоей игрой. Тебе тогда было только шестнадцать лет, ты еще учился в консерватории. Как насчет срока давности?

— Мне не показалось, я четко видел. Из-за тебя я провалился на конкурсе.

— А что, если мой взгляд не лгал и ты провалился с первых же аккордов? Насколько мне известно, с тех пор ты сумел все наверстать.

— Знаешь поговорку: взрослый — это ребенок с долгами.

— Раз так, быть тебе навечно моим должником, мой милый. Но в ожидании расплаты можешь оставаться здесь столько, сколько пожелаешь.

— У тебя не завалилось пачки сигарет?

— Я думала, ты бросил курить.

— Не ношу с собой сигарет — вот и не курю.

— Поищи в старом письменном столе своего папаша. Колетт пользуется нашими субботними ужинами, чтобы покурить в рукав, — скажи, куда это годится в ее возрасте? Сдается мне, она «забывает» свою пачку в ящике справа, хотя, бывает, и слева, чтобы придать пикантности своему очередному визиту. Ты ничего не сказал о моем наряде, как считаешь, твоя мама все еще привлекательна?

Томá уставился на ее узкую черную юбку и белую блузку. Казалось, время не властно как над ее фигурой и изяществом, так и над ее тягой к провокации.

— Зависит от возраста твоего кавалера, — бросил он небрежно.

— Родила негодника себе на горе! — воскликнула она, изображая возмущение. — Ничего, я с тобой поквитаюсь, когда тебе понадобится мой совет. Все, убегаю, уже точно опоздала. Но ты смотри, не переборщи тут с весельем!

Она исчезла, мурлыча себе под нос, — этим проще всего было вывести сына из себя, о чем она отлично знала. Томá поспешил к письменному столу и порывлся в обоих ящиках. Искомую пачку он нашел под каким-то блокнотом и, открыв ее, с удивлением обнаружил там не легкие сигареты, а шесть мастерски свернутых самокруток.

Томá курил траву всего раз в жизни. На заре юности отец затерроризировал его рассказами о катастрофическом воздействии наркотиков на незрелый мозг. При помощи фотографий и устрашающих текстов он предоставлял сыну неопровержимые доказательства того, что употребление запрещенных законом веществ способно необратимо подорвать нервную систему и перечеркнуть все его надежды на карьеру кон-

цертирующего музыканта. Отец был не кем-нибудь, а хирургом, это тоже сыграло роль. Нарушение запретов было неотъемлемой частью познания жизни, поэтому Томá рискнул. Всего разок. Дело было как-то в выходные, в Нормандии. Томá преодолел свой страх только на второй вечер, удостоверившись, что у тех, кто сделал это накануне, не наблюдается серьезных двигательных нарушений. Для пущей верности он сначала упросил Сержа и Франсуа пожонглировать подручными предметами, пробежаться со связанными ногами, сыграть в бильбоке и посоревноваться в метании дротиков. Друзья не остались в долгу и подсунили ему для «огненного крещения» увеличенную дозу. В итоге Томá почти всю ночь с дурацкой улыбкой наблюдал за коровами, свившими себе гнездо посреди его комнаты.

Но в этот вечер Томá мучило неодолимое желание курить, а так как косяк, оказавшийся у него в руках, оставила Колетт, его крестная и лучшая подруга его матери, уже разменявшая восьмой десяток, то он посчитал, что опасность невелика. Подумаешь, одна, максимум две затяжки!

И он закурил, поднеся к бумажному кончику самокрутки огонек зажигалки. Легкие наполнились дымом, и Томá, так до конца и не бросивший курить, с наслаждением его выдохнул. Вто-